

Б. А. УСПЕНСКИЙ

ЦАРЬ И ИМПЕРАТОР
ПОМАЗАНИЕ НА ЦАРСТВО
И СЕМАНТИКА
МОНАРШИХ ТИТУЛОВ

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2000

ББК 63.3(2)4-3в6
У 77

Успенский Б. А.

У 77

Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 144 с. – (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия.)

ISBN 5-7859-0145-5

Настоящая работа продолжает цикл исследований, посвященных различным аспектам истории царской власти («Царь и Бог», «Царь и самозванец», «Царь и патриарх»).

ББК 63.3(2)4-3в6+80.9

На обложке книги воспроизведена пластинка из слоновой кости с изображением коронации Христом императора Константина VII Багрянородного (середины X в.) из собрания московского Музея изобразительных искусств.

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su), only the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0145-5

9 785785 901452 >

© Б. А. Успенский, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ГЛАВА I

Помазание на царство: Эволюция обряда в связи с представлением о природе монаршей власти

§ 1. Помазание Пипина Короткого и начало традиции инаугурационного помазания монарха в Европе

Традиция инаугурационного помазания монарха в Европе непосредственно восходит к интронизации Пипина Короткого в середине VIII в. Еще раньше, а именно во второй половине VII в., помазание при возведении на престол совершалось у испанских визиготских королей, однако обряд поставления Пипина Короткого никак не связан, по-видимому, с визиготской традицией¹; напротив, после поставления Пипина мы наблюдаем непрерывную традицию инаугурационного помазания монарха, доходящую до наших дней.

Эта традиция имела место как на Западе, так и в Византии, однако в Византии соответствующий обряд появляется относительно поздно — надо полагать, под западным влиянием. Вслед за тем уже под византийским влиянием помазание на царство появляется и на Руси.

Необходимо иметь в виду при этом, что помазание монарха (царя) на православном Востоке имело другое значение, чем на Западе, т. к. на Востоке не было помазания епископов и священников; иначе говоря, этот обряд не мог вызывать здесь ассоциации монарха со священнослужителем. Напротив, на Западе такого рода ассоциации были весьма актуальны; они играли

существенную роль в эволюции интересующего нас обряда. Следует подчеркнуть, вместе с тем, что в VIII в., когда был помазан Пипин Короткий, помазание при ординации (помазание священнослужителей) не было принято в римской церкви²: такого рода ассоциации появляются здесь позднее.

Вопрос о том, когда именно и при каких обстоятельствах обряд помазания на царство появляется в Византии, остается открытым. Большинство исследователей склоняется к мысли, что это произошло в XII—XIII в. При этом целый ряд специалистов — в их числе такие авторитетные ученые, как Георгий Острогорский, Эдуард Айхманн, Антон Михель или Жильбер Дагрон, — полагают, что этот обряд появляется в Византии в результате IV Крестового похода. По мнению этих исследователей, помазание на царство впервые имело место в Константинополе 16 мая 1204 г. при коронации Балдуина Фландрского (первого латинского императора в Константинополе); этот обычай, как считают названные ученые, заимствовал основатель Никейской империи Феодор I Ласкарь, венчавшийся на царство в 1208 г., после чего данная традиция прочно укоренилась в Византии: с концом Латинской и Никейской империи традиция эта продолжала соблюдаться в империи Палеологов³. Ниже мы вернемся к обсуждению этого предположения.

Пипин был помазан как король франков Бонифацием, архиепископом майнцским: это произошло в Суассоне в ноябре 751 г.⁴ Вслед за тем Пипин был вторично помазан 28 июля 754 г. в Сен-Дени — на этот раз папой римским Стефаном II⁵.

Необходимость вторичного помазания была, очевидно, обусловлена тем обстоятельством, что помазание Пипина в 751 г. было совершено не папой, а епископом; повторение данного обряда в 754 г. призвано было подтвердить его действительность; говоря о вторичном помазании Пипина, автор «Франкской хро-

ники» сообщает: «... apostolicus Stephanus confirmavit Pippinum unctione sancta in regem et cum eo inunxit duos filios eius, domnum Carolum et Carlomannum, in regibus»⁶. Характерным образом, обращаясь к сыновьям Пипина, Карлу и Карломану, папа заявлял, что они помазаны самим апостолом Петром: «per beatum Petrum principem apostolorum, qui vos in reges unxit»⁷; тем самым подчеркивалось значение именно папского помазания, что отвечает характерному для римской церкви представлению об исключительном положении папы как заместителя апостола Петра.

Пипин был первым монархом, возведенным на престол папой римским; после него это становится традицией. Для того чтобы помазать Пипина, папа должен был приехать во Францию (ни один папа до этого не пересекал Альпы); сын Пипина, Карл Великий, уже едет в Рим, для того чтобы быть коронованным папой⁸.

Необходимо отметить, что Пипин — в отличие от последующих монархов — был помазан, но не коронован: в этих условиях помазание получало особое значение, выступая как единственный обряд возведения на престол⁹. В известном смысле поставление Пипина оказывается противопоставленным поставлению византийских императоров: если помазание Пипина не сопровождается коронацией, то коронация византийских императоров в это время не сопровождается помазанием.

Эта традиция инаугурационного помазания и была затем унаследована в Византии. При этом как на Западе, так и в Византии крестообразно мажется голова монарха, возводимого на престол¹⁰; именно так, по-видимому, и был помазан Пипин Короткий¹¹.

§ 2. Связь инаугурационного помазания монарха с обрядом крещения

Как показал Арнольд Ангенендт¹², у истоков данной традиции находится литургическая реформа рим-

ской церкви, где с древнейших времен помазание миром совершается дважды: сначала священником при крещении — непосредственно после крещения как такового, т. е. погружения или обливания (это помазание входит в обряд крещения и не воспринимается как особый обряд, т. е. не ассоциируется с таинством миропомазания)¹³, — и затем епископом при конфирмации (что и соответствует собственно таинству миропомазания). При этом священник при крещении крестообразно мажет миром голову, епископ же крестообразно мажет миром чело. Это двойное помазание миром представляет собой специфическую особенность римского обряда, который в дальнейшем распространяется на всю западную церковь¹⁴.

Именно при помазании чела, как полагают, происходит сообщение даров Святого Духа, и только епископ уполномочен совершать этот обряд. Это специально подчеркивал уже папа Иннокентий I в письме к Децентию, епископу Губбио, 416 г.: «*De consignandis vero infantibus manifestum est non ab alio quam ab episcopo fieri licere. Nam presbiteri licet sint sacerdotes, pontificatus tamen apicem non habent. Hoc autem pontificibus solis deberi, ut vel consignent, vel paracletum Spiritum tradant non solum consuetudo ecclesiastica demonstrat, verum illa lectio actuum apostolorum quae asserit Petrum et Iohannem esse directos qui iam baptizatis tradant Spiritum sanctum. Nam presbiteris seu extra episcopum sive praesente episcopo cum baptizant, chrismate baptizatos unguere licet, sed quod ab episcopo fuerit consecratum, non tamen frontem ex eodem oleo signare, quod solis debetur episcopis cum tradunt Spiritum paracletum*»¹⁵. Таким образом, помазание, совершаемое епископом (после крещения), противопоставляется здесь тому помазанию, которое совершает священник при крещении; при этом помазание чела рассматривается как исключительная прерогатива епископа, поскольку именно это действие имеет сакраментальный характер. О помазании чела как специальной прерогативе епископа говорит затем и

папа Григорий Великий: «Episcopi baptizatos infantes signare bis in frontibus chrismate non præsument; sed presbyteri baptizandos ungant in pectore, ut episcopi postmodum ungere debeant in fronte»¹⁶.

Не позднее VII в. в римской церкви устанавливается четкая дифференциация между действиями священника при крещении и епископа при конфирмации, сохраняющаяся вплоть до наших дней, — когда священник мажет миром голову, а епископ — чело, причем именно в последнем случае совершается таинство миропомазания, при котором помазуемому сообщаются дары Святого Духа, ср.. «Postea cum ascenderit a fonte infans signatur a praesbytero in cerebro de chrismate... Deinde ab episcopo datur eis spiritus septiformis. Ad consignandum inponit eis manum... Postea signat eos in fronte de chrismate...»¹⁷; «Levantes autem ipsos infantes in manibus suis offerunt eos uni presbitero. Ipse vero presbiter facit de crisma crucem cum police in vertice eorum... Et dat orationem pontifex super eos, confirmans eos cum invocatione septiformis gratiae spiritus sancti. Oratione expleta, facit crucem cum police et chrisma in singulorum frontibus...»¹⁸. См., наконец, декрет папы Иннокентия III «De sacra unctione», 1204 г. (§ 7): «Per frontis chrismationem manus impositio designatur, quae alio nomine dicitur confirmatio, quia per eam Spiritus sanctus ad augmentum datur et robur. Unde quum ceteras unctiones simplex sacerdos vel presbyter valeat exhibere, hanc non nisi summus sacerdos, id est episcopus, debet conferre, quia de solis Apostolis legitur, quorum vicarii sunt episcopi, quod per manus impositionem Spiritum sanctum dabant, quemadmodum Actuum Apostolorum lectio manifestat»¹⁹. С XII в., когда в католической церкви появляется учение о семи таинствах, конфирмация — иными словами, миропомазание, совершаемое епископом, — рассматривается здесь как второе таинство (первым является крещение)²⁰.

Епископское помазание чела при конфирмации в католической церкви восходит, видимо, к тому пе-

риоду, когда таинство миропомазания на Западе совершалось непосредственно после крещения — подобно тому, как это имеет место на Востоке. Крестообразное помазание чела после крещения наблюдается вообще в целом ряде древнейших традиций — в частности, в византийской²¹, армянской²², египетской²³, маронитской²⁴ и других²⁵. Как правило, помазание при этом не ограничивалось челом, т. е. вслед за челом помазанию подлежали и другие части тела²⁶; вместе с тем во всех этих традициях помазание начиналось именно с чела — помазание чела имеет вообще особое значение, поскольку находит соответствие в Писании (Откр. VII, 3; Иез. IX, 4)²⁷.

Можно предположить, что то же самое первоначально имело место и в римской церкви: так же, как и в других местах, миропомазание совершалось здесь сразу же после крещения.

Следует иметь в виду при этом, что в первые века как крещение, так и миропомазание совершал обычно епископ²⁸. С распространением христианства, когда количественное соотношение епископов и верующих существенно изменилось, стало очевидным, что епископ не может более осуществлять обе эти функции. Таким образом, традиция предписывала, с одной стороны, совершение миропомазания непосредственно после крещения, с другой стороны — участие епископа в совершении данного обряда: с распространением христианства оба этих условия оказались несовместимыми. В результате западная и восточная традиции разделились между собой, причем это разделение началось с обособления римской церкви. На Востоке миропомазание, как и раньше, совершается, как правило, непосредственно после крещения, причем совершает его священник²⁹; таким образом на священника переносятся в данном случае функции епископа. Между тем на Западе совершение таинства миропомазания по-прежнему составляет исключительную прерогативу епископа, однако поскольку епископ обычно не при-

сутствует при крещении, здесь появляется специальный обряд конфирмации.

Вместе с тем, в соответствии с древней традицией, здесь совершается также помазание миром непосредственно после крещения, однако такое помазание не рассматривается как особый обряд, имеющий самостоятельное значение: оно объединяется с крещением, иначе говоря, оказывается инкорпорированным в обряд крещения. Соответственно, это помазание совершает священник в процессе обряда крещения. Оно представляет собой, таким образом, рудимент древней традиции (восходящей к тому времени, когда миропомазание как особое таинство совершалось сразу же после крещения)³⁰.

После того как в римской церкви священническое помазание стало противопоставляться епископскому, за епископом сохранилось помазание чела, тогда как действия священника стали формально отличаться от епископских; в результате священник здесь может мазать голову, но не чело. Так с раздвоением единого некогда обряда происходит распределение функций.

Это двойное помазание поначалу представляет собой специфическую особенность римской церкви, однако со временем римский обряд распространяется на весь католический Запад, определяя различие православной и католической традиции. Соответственно, двойное помазание, принятое в католической церкви, становится важным моментом в полемике православных с католиками: православные обвиняют католиков в повторении таинства миропомазания — при том, что католики не воспринимают первое помазание как таинство³¹.

Итак, именно епископское помазание воспринимается в римской (и в дальнейшем во всей католической) церкви как таинство, тогда как помазание, совершаемое священником, само по себе не имеет сакраментального характера. Это обстоятельство определило,

надо думать, возможность использования соответствующего ритуала при инаугурационном помазании монарха: крестообразное помазание головы монарха при возведении его на престол — на Западе, а в дальнейшем и в Византии — восходит, по-видимому, к соответствующему обряду, совершаемому при крещении. Вместе с тем то обстоятельство, что помазание миром при возведении на престол совершал не обычный священник, а папа римский (или иногда епископ, который воспринимался, видимо, как представитель папы) и затем патриарх константинопольский, — придавало этому обряду особый смысл и особую значимость, заставляя воспринимать его в контексте параллелизма духовной и светской власти: подобно тому как духовная власть была сосредоточена в руках одного лица, так и светская власть оказывалась в руках одного человека.

Существенно при этом, что как на Западе, так и в Византии инаугурационное помазание предшествовало коронации³². Можно предположить, что помазание первоначально воспринималось как частичное обновление крещения, которое позволяло затем коронуемому монарху принять венец как бы в новом качестве: на престол всходил как бы новый, т. е. обновленный, человек, *homo renatus*³³. Соответственно, в том случае, когда коронация производилась непосредственно после крещения, повторение помазания — иначе говоря, особое инаугурационное помазание — по-видимому, могло оказываться излишним. Так, в 781 г. (в день Пасхи) папа Адриан I в Риме короновал сыновей Карла Великого, Карломана, который получил новое имя Пипин³⁴, и Людовика, причем первый из них был предварительно крещен самим папой. Вот как описывает это событие «Франкская хроника»: «... celebravit pascha in Roma. Et ibi baptizatus est domnus Pippinus, filius... domni Caroli magni regis, ab Adriano papa, qui et ipse eum de sacro fonte suscepit; et duo filii supradicti domni Caroli regis uncti sunt in regem a supradicto pontifice, hi sunt domnus Pippinus et domnus Hludowi-

cus, domnus Pippinus rex in Italiam et domnus Hludowicus rex in Aquitaniam»³⁵; ср. еще в «Хронике Эйнгарда»: «... baptizavit idem pontifex filium eius Pippinum unxitque eum in regem. Unxit etiam et Hludowicum fratrem eius; quibus et coronam inposuit»³⁶. Обращает на себя внимание указание на то, что папа совершает инаугурационное помазание после того, как принимает ребенка из купели. В соответствии с римским обрядом крещения после этого должно следовать помазание головы; при этом, как кажется, помазание головы, совершенное папой, получало в данном случае особое значение инаугурационного помазания. Иначе говоря, помазание миром, произведенное непосредственно после крещения, имело здесь двойную функцию: с одной стороны, это действие входило в обряд крещения, с другой стороны, оно выступало как инаугурационное помазание³⁷.

Характерно, что инаугурационное помазание миром (помазание монарха) могло повторяться — именно потому, конечно, что оно никак не ассоциировалось с таинством миропомазания (которое повторяться не может). Так, Пипин Короткий, как мы уже упоминали, был помазан дважды — сначала епископом (Бонифацием Майнцским) в 751 г. и затем папой римским (Стефаном II) в 754 г.; одновременно папа помазал двух сыновей Пипина — Карла (будущего Карла Великого) и Карломана. После смерти Пипина Карл и Карломан были еще раз помазаны в 768 г., а Карл — еще и в 771 г. (после смерти Карломана). В 781 г. были помазаны (папой Адрианом I) два сына Карла Великого, Карломан (переименованный в Пипина) и Людовик (будущий Людовик I Благочестивый); Людовик был еще раз помазан (папой Стефаном IV) в 816 г. Внук Людовика I Благочестивого, Людовик II (сын Лотаря I), был помазан дважды, в 844 и 850 гг., а его младший сын, Карл II Лысый, — трижды, в 848, 869 и 875 гг.³⁸

Это повторение, по-видимому, обнаруживает ориентацию на Ветхий Завет, а именно на царя Давида, кото-

рый, как полагали, был помазан трижды: Беда Достопочтенный говорит в толковании на 26-й псалом, что Давид был помазан сначала просто как царь, затем как царь Иуды (Южного царства) и, наконец, как царь Иерусалима и всего Израиля³⁹. Может быть, не случайно Карл Великий, которого именовали «новым Давидом»⁴⁰, был помазан именно три раза⁴¹.

При этом после инаугурационного помазания, как правило, следовала коронация⁴²: повторение помазания определялось именно повторением коронации, и это соответствует пониманию помазания как частичного обновления крещения, приготавливающего монарха к коронации⁴³.

Связь инаугурационного помазания с обрядом крещения отразилась в легенде о священном сосуде (La Sainte-Ampoule), созданной Гинкмаром, архиепископом Реймским, в связи с коронацией Карла Лысого в 869 г. По утверждению Гинкмара, он помазал Карла тем самым миром, которое было применено при крещении короля Хлодвига, основателя династии Меровингов, в день Рождества Христова (496, 498, 499 или 508 г.) и которое было ниспослано с неба по молитве св. Ремигия, крестившего Хлодвига (согласно этой легенде, сосуд, в котором находилось миро, явился в клюве белого голубя)⁴⁴. В дальнейшем королей Франции при коронации мазали миром из данного сосуда (вплоть до революции, когда в 1793 г. сосуд был уничтожен); утверждалось, что это было то же самое миро, которое каждый раз после использования чудесным образом возобновлялось в сосуде⁴⁵.

Именно помазание определяло во Франции и затем в Англии веру в чудотворную силу монаршего прикосновения⁴⁶. Можно предположить, что эта вера была поддержана словами Господа из благодарственного псалма Давида: «*Nolite tangere Christum meum*» («Не прикасайтесь к помазанным моим» — I Пар. XVI, 22; Пс. CIV, 15): если к монарху, помазанному Господом, нельзя прикасаться, то возложение рук, совершаемое

монархом для исцеления, собственно не является прикосновением — напротив, оно сообщает больному благодатную (очищающую) силу, полученную при помазании.

Таким образом, западная традиция помазания при возведении на престол, восходящая к основателю династии Каролингов и унаследованная затем византийскими императорами, непосредственно связана, по-видимому, с литургической реформой римской церкви, разделившей обряд миропомазания на два этапа — помазание, вошедшее в обряд крещения, и конфирмацию. Эта реформа первоначально ограничивалась лишь римским обрядом. Важно отметить при этом, что галликанская церковь до VIII в. не знала епископского помазания при конфирмации; существенная роль в распространении этого обряда у франков принадлежит Бонифацию Майнцскому⁴⁷. При этом именно Бонифаций, как мы знаем, помазал Пипина Короткого при его возведении на престол в Суассоне в 751 г.

Надо полагать, что Бонифаций, внедряя римский обряд, настаивал на том, что таинством является лишь епископское помазание при конфирмации; именно поэтому он мог повторить помазание, вошедшее в обряд крещения (которое само по себе с его точки зрения не имело, видимо, сакраментального характера), придав ему функцию инаугурационного обряда. В этой связи особый интерес представляет «*Sacramentarium Gelasianum*», где четко противопоставлено помазание при крещении и помазание при конфирмации, ср.: «*Postea cum ascenderit a fonte infans, signatur a presbytero in cerebro de chrismate... Deinde ab episcopo datur eis spiritus septiformis. Ad consignandum inponit eis manum... Postea signat eos in fronte de chrismate...*»⁴⁸; до нас дошла рукопись, которая, как полагают, была изготовлена около 750 г. в одном из монастырей северной Франции (по мнению некоторых, в Сен-Дени)⁴⁹; не ис-

ключено, что эта рукопись как-то связана с помазанием Пипина⁵⁰.

Поскольку за инаугурационным помазанием головы, как правило, следовала коронация (см. выше, § 2), оба ритуала, несомненно, должны были с ней ассоциироваться: помазанию подлежала именно голова, которая затем покрывалась короной⁵¹. Тем самым, коронация тоже приобретала сакральный смысл.

§ 3. Общее значение помазания в христианской традиции: помазание как обряд посвящения в «царственное священство».

Ассоциация помазания головы с идеей посвящения в цари и священники, а помазания чела — с идеей сообщения даров Св. Духа

Итак, инаугурационное помазание может пониматься как частичное обновление крещения. Не менее важен при этом и другой смысл, который вообще усваивается помазанию в христианской традиции.

Как известно, помазание традиционно понимается в христианской церкви как обряд посвящения в «царственное священство» (I Петр II, 9): помазание уподобляет христиан Христу как царю и священнику, который, согласно Откровению Иоанна Богослова, «сделал нас царями и священниками» (Сткр. I, 6, ср. V, 10, XX, 6)⁵². По словам Тертуллиана, христиане носят имя Христа (*christi*) потому, что помазаны миром (*chrisma*): «*Christi dicti a chrismate*»⁵³. Совершенно то же говорит затем и Августин: «*omnes christos dicimus propter mysticum chrisma*»⁵⁴. Аналогичные высказывания находим и у восточных отцов (например, у Феофила Антиохийского⁵⁵ или Кирилла Иерусалимского⁵⁶). Равным образом в апокрифическом Евангелии от Филиппа читаем: «Помазание выше крещения. Ибо благодаря помазанию мы были названы христианами, а не благодаря крещению. И Христос был так назван благодаря помазанию.

Ибо Отец помазал Сына, и Сын помазал апостолов, а апостолы помазали нас»⁵⁷.

Связь между именем Христа (Christus) и обозначением мира (chrisma) подчеркивается также в древней молитве из чина крещения, представленной в том же «Sacramentarium Gelasianum», однако здесь не Christus производится от chrisma, а наоборот — chrisma от Christus: «per potenciam Christi tui, a cuius sancto nomine chrisma nomen accepit, unde unxisti sacerdotes reges prophetas et martyres tuos»⁵⁸. Между тем Исидор Севильский, обсуждая связь слов Christus и chrisma, говорит, что ранее миропомазание распространялось лишь на царей и священников, теперь же этот обряд совершается над всеми христианами — последние уподобляются тем самым царям и священникам; именно в этом смысле толкует Исидор слова апостола Петра (I Петр, II, 9), определяющие христиан как «род избранный, царственное священство, народ святой»⁵⁹.

В дальнейшем, однако, эти слова апостола Петра могут применяться именно к инаугурационному помазанию. Так, папа Стефан III в 769 г. писал сыновьям Пипина Короткого, Карлу (будущему Карлу Великому) и Карломану, которые в его понтификат были вторично помазаны на царство: «... perfecti estis christiani et gens sancta atque regale estis sacerdotium. Recordamini et considerate, quia oleo sancto uncti per manus vicarii beati Christi caelesti benedictione estis sanctificati»⁶⁰; восприятие Христа как царя и священника (rex et sacerdos) явно связывается в данном случае с инаугурационным помазанием монарха⁶¹. Впоследствии монархи как помазанники могут непосредственно ассоциироваться с Христом, ср., например, обращение к монарху в реймском коронационном обряде X—XI вв.: «Christo, cuius nomen vicemque gestare crederis»⁶². Соответственно, поскольку к правителям относится стих Псалтири «Боги есте и сынове Вышняго» (Пс. LXXXI, 6; ср.: Исх. XXII, 28), могут полагать, что именно помазание делает монарха «богом и Христом» (см. об этом в трактате «De

consecratione pontificum et regum» Нормана Анонима 1100 г.)⁶³.

Знаменательно в этом смысле, что Карл Великий, который был трижды помазан на царство как король (*rex*) — в 754 г. (вместе со своим отцом Пипином Коротким), в 768 г. (после смерти Пипина) и в 771 г. (после смерти своего брата Карломана), — при поставлении в императоры в Риме в праздник Рождества Христова 800 г. был лишь коронован (папой Львом III), но не помазан⁶⁴. При этом сын Карла Великого, Карл, был в тот же день помазан папой⁶⁵, однако Карл младший был помазан как король (*rex*), а не как император (*imperator*) — противопоставление императора и короля выступает при этом весьма отчетливо. Как мы уже упоминали, в какой-то мере это может объясняться стремлением Карла уподобиться царю Давиду, который, по преданию, был помазан три раза; определенную роль могла играть и ориентация на поставление византийских императоров, где в это время не было еще помазания на царство⁶⁶.

Однако главная причина, по-видимому, заключалась не в этом. Титул императора непосредственно не соотносился с Христом и, стало быть, в принципе не имел отношения к помазанию⁶⁷: Христос, так же как и ветхозаветные цари, как правило, именуется по-латыни *rex*, а не *imperator*⁶⁸, и только этот титул мог ассоциироваться с помазанием и с идеей «царственного священства» (*regale sacerdotium*)⁶⁹.

Латинский язык в этом отношении отличается от греческого: по-гречески как Христос, так и ветхозаветные цари именуются βασιλεύς, и это наименование совпадает с титулом византийского императора⁷⁰. Иначе говоря, в греческом языке слово βασιλεύς объединяет значения царя в библейском смысле и императора (равным образом греческое βασιλεύειν может означать как «regnare», так и «imperare»); в латинском же языке эти значения противопоставлены⁷¹. Поэтому, между прочим, на греческий язык невозможно перевести извест-

ную формулу «Christus vincit, Christus regnat, Christus imperat»⁷².

Показательно при этом, что латинский титул *rex* транслитерируется в византийском греческом языке как $\rho\acute{\eta}\xi$ и употребляется для обозначения западных правителей⁷³; в рамках греческого языка этот титул теряет связь с наименованием Христа или ветхозаветных царей. По отношению к западным императорам (до Карла Великого) титул $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$ не употреблялся в Византии; Карл Великий начинает здесь называться таким образом лишь с 812 г., когда, как сообщает западная хроника, жители Константинополя, «*more suo, id est graeca lingua, laudes ei dixerunt, imperatorem eum et Basileum appellantes*»⁷⁴.

Итак, если принимая титул короля (*rex*), Карл уподоблялся Христу, то принимая титул императора, он уподоблялся императору Римской империи⁷⁵. Ориентация на византийского императора (василевса) была не непосредственной (и в ряде моментов поставление Карла отличалось от поставления василевса⁷⁶): вместе с тем она могла определяться тем обстоятельством, что византийские василевсы восходили к римским императорам. Иначе говоря, византийский император был ориентиром для Карла постольку, поскольку он был преемником римских императоров. В этом смысле тот факт, что в византийском коронационном ритуале не было помазания, мог быть значим для Карла.

Очень скоро, однако, традиция инаугурационного помазания распространяется и на императора: сын Карла Великого, Людовик I Благочестивый, в 816 г. был уже помазан как император, и с этого времени начинается традиция помазания императоров (которые одновременно соотносятся с римскими императорами и с иудейскими царями). Характерно, что уже Людовик II может утверждать, что Карл Великий был в Риме помазан как император (см. послание Людовика II византийскому императору Василию I, 871 г.)⁷⁷.

Людовик I Благочестивый был помазан и коронован папой Стефаном IV не в Риме, а в Реймсе. Традиция императорского помазания в Риме начинается с сына Людовика, Лотаря I, который был помазан и коронован папой Пасхалием I в Пасхальное воскресенье 823 г.⁷⁸ В 850 г. Лотарь I отправил своего сына, Людовика II, в Рим — без того, чтобы предварительно самому короновать его, как это делали его отец и дед, — где он (Людовик II) был помазан папой Львом IV⁷⁹.

Именно с этого времени инаугурационное помазание императора в Риме приобретает особое значение; в дальнейшем оно считается необходимым условием легитимного поставления⁸⁰. Показательно в этой связи уже упоминавшееся послание Людовика II императору Василию I (871 г.), где обсуждается вообще значение титула βασιλεύς и неправомерность притязаний византийских императоров на то, чтобы быть единственными носителями этого титула; Людовик заявляет, что франкские короли стали именоваться императорами после того, как они начали получать папское помазание: «*Nam Francorum principes primo reges, deinde vero imperatores dicti sunt, hii dumtaxat qui a Romano pontifice ad hoc oleo sancto perfusi sunt*»⁸¹; это заявление относится, тем самым, и к Карлу Великому, которого папа тоже будто бы помазал в Риме в 800 г. Таким образом, по мысли Людовика II, западные императоры являются, в сущности, подлинными императорами — они имеют больше прав на данный титул, чем императоры Нового Рима (Константинополя). Точно так же и папа Николай I, говоря в послании 865 г. о правлении Людовика II, подчеркивает значение папского помазания: «... *imperium...*, quod cum benedictione et sacratissimi olei unctione sedis apostolicae praesule ministrante percipit...»⁸². Ср., между тем, возражения Иоанна Киннама, византийского историка второй половины XII в. и секретаря императора Мануила I: обсуждая предложение Фридриха I Барбароссы Мануилу I именоваться императором Нового Рима (а не римским императо-